

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	4
<i>Раздел 1. АНАЛИЗ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА КАК АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА .....</i>	12
<i>Раздел 2. НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА .....</i>	25
<i>Раздел 3. ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА .....</i>	33
<i>Раздел 4. СПЕЦИФИКА ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ .....</i>	49
Заключение	70
Литература	72

ВСТУПЛЕНИЕ

Для кого эта книга? Может показаться, что присутствие в названии слов «лингвистическая экспертиза» означает ее нацеленность на аудиторию специалистов-филологов. Действительно, в первую очередь автор ведет беседу со своими коллегами — практикующими экспертами. Но в то же время поднимаемые проблемы уже касаются или могут коснуться широкого круга читателей, далеких от лингвистики. И чтобы шансы познакомиться с описанными реалиями высокой ценой испытаний своей собственной судьбы были сведены к минимуму, имеет смысл извлечь полезный опыт из того, который обобщен автором, хорошо знакомым с практикой функционирования антиэкстремистского законодательства.

Каковы же причины актуальности проблем, связанных с экстремизмом? Лежат они в сфере не столько правовой или лингвистической, сколько политической и социальной. Пожалуй, даже шире — философской. Да, ничего удивительного. Ведь что такое экстремизм, если определять его не сухими правовыми формулировками, которые содержатся в череде законодательных актов и рассматриваются глазами филолога в основной части материала, а понятным любому читателю языком? Если кратко, то это выражение опасной для государства идеологии. Экстремизм — это речевое, интеллектуальное преступление. Реальные действия, выходящие за пределы мира слов, рассматриваются в рамках других законодательных актов.

В наше время действительность виртуализируется. Речь — все более и более поступок, а поступок все чаще — речь. Мир текстов стремительно расширяется. Пишет и говорит огромное количество людей. Более того: то, что раньше оставалось на кухне, сегодня выносится на просторы мирового обсуждения. Люди, особенно молодые, защищенные, как им кажется, мониторами компьютеров от опасностей мира, посылают в пространство еще не выверенные их неокрепшим разумом сигналами.

лы, которые могут быть получены совсем не теми, на кого были рассчитаны, и интерпретированы без учета разницы в культурных и языковых кодах, без определения социальной значимости сказанного и без снисхождения к неустановившейся психике автора. Так что технический прогресс как причина на порядок увеличившихся актов коммуникации отчасти является материальной основой и параллельного увеличения конфликта интерпретаций, среди которых определенная часть попадает под правовой угол рассмотрения.

Мир стремительно меняется, но в то же время в главном он остается прежним. Любое государство защищает себя: свою целостность, соблюдение закона, стабильность функционирования государственных институтов. Во всех государствах во все эпохи осуществлялись те или иные меры по защите общества от интеллектуального и/или эмоционального воздействия, которое, на взгляд определяющих политику государства на тот момент людей, могло тлетворно повлиять на настроения в обществе и нарушить его стабильность. А.С. Пушкин был сослан в Михайловское не за то, что выступал с оружием, а за то, что орудовал пером. В.И. Ленин также был ограничен в свободе за интеллектуальную деятельность, затем И.А. Ильин за свою социально не актуальную позицию вместе с коллегами на «философском пароходе» был выдворен из России, О.Э. Мандельштам оказался в лагерях за непреданную, не восторженную по отношению к власти поэзию. А Марк Туллий Цицерон за свою риторическую активность в пламенных филиппиках, не оцененную Марком Антонием, поплатился жизнью.

Дело не в эпохе и не в стране, и уж тем более не в наименовании явления (экстремизм, антигосударственная политика и проч.). Мнения могут быть разными, но автор настоящей книги признает защиту государством самого себя естественной и оправданной. И даже если когда-то антиэкстремистские меры использовались властью для защиты не государства, а самой себя, в целом в основной своей части они, пожалуй, все же направлены и на защиту интересов граждан. Призывы к наруше-

нию закона, к насильственной смене власти, к нарушению прав какой-либо группы лиц по причине их национальности или другого признака — все это, если действительно делалось осознанно и эффективно, никогда не приводило к улучшению состояния социальных институтов, напротив, порождало кровавое насилие, разруху, гибель людей.

Поэтому не сомневаемся: экстремизм — это зло, с которым нужно бороться. Но только если это действительно экстремизм. И если борьба с этим экстремизмом вызовет меньший раскол общества, чем его проявление. Выяснением этого вопроса занимается следствие и суд. Скромную, но значимую роль в этом процессе определения содержания и направленности экстремистского или, быть может, неэкстремистского речевого действия играет и мнение экспертов — лингвистов, психологов, религиоведов.

Автор настоящей книги — лингвист, знакомый с практикой лингвистической экспертизы в процессах по делам об экстремизме. В делах такого рода, да, пожалуй, в гуманитарной сфере вообще, уровень интерпретативности событий, которые в данном случае являются речевыми, очень высок. Неудивительно поэтому, что и экспертные оценки обсуждаемых текстов разнятся, вызывая дискуссии. И хорошо, когда эти дискуссии основаны на аргументации. Частью такой дискуссии является и предлагаемый читателю материал. Приводимые доводы по одним вопросам могут вызвать у читателя несогласие, но по другим, возможно, будут выглядеть убедительными.

К этому общедисциплинарному фактору конфликта интерпретаций добавьте еще один: антиэкстремистское законодательство очень молодо. Антиэкстремистские меры стары, как человечество, но они осуществлялись преимущественно по воле того или иного правящего круга и определялись интуитивным пониманием текущего момента лицами, от которых зависело решение. Сегодня, при выходе этих процессов из сферы штучного продукта в массовый (впрочем, такие периоды в истории уже бывали), решение об экстремистском или неэкстремист-

ском характере текста определяется не индивидуальной волей, а законом. Но пара десятков лет — очень малый срок для становления такого сложного регулирующего инструмента. И законодательство продолжает меняться на глазах. Введенный недавно закон об оскорблении чувств верующих, например, внес в общество не меньший раскол, чем тексты, рассматриваемые по этой статье.

Законодательство, есть надежда, будет совершенствоваться, и его обсуждением будут еще заниматься юристы, на эту тему пишут и будут писать журналисты и правозащитники. А задача экспертов иная. Каким бы ни было законодательство об экстремизме, наша цель — вскрыть сущность текста, не исказив компонентов смысла и не приписав того, что в них не содержалось, притом ни по форме, ни по содержанию. Именно разработке вопросов, ведущих к этой цели, и посвящена книга.

Предупреждая возможные упреки в политизации науки, поясним: никакие идеологические установки не определяли положений, предлагаемых в работе. Автору приходилось выступать в судебных процессах и по запросу суда и следствия, и по запросу адвоката и обвиняемого, что позволило посмотреть на процессы об экстремизме с разных сторон. Единственное стремление, обусловившее появление этого материала, — желание внести вклад в объективацию судопроизводства по делам исследуемого типа.

Представленные в книге тексты взяты для рассмотрения потому, что они реальны и помогают понять, насколько разнятся материалы, привлекаемые по статьям об экстремизме. Многие из них глубоко отвратительны автору и видятся тем самым социальным злом, от которого и должен защищать общество закон. Читать их будет неприятно, как не всегда врачу симпатичен вид больного органа или энтомологу насекомое; но они приводятся для объективного научного рассмотрения, проверки действия выдвигаемых положений и критериев квалификации признаков экстремизма. В сравнении с таким материалом другой, напротив, представляется невинным, а искусственные попытки

навязать ему демоническую роль — неумелыми и, главное, еще более вредными, чем даже сомнительные тексты.

Для описания всех актуальных проблем лингвоэкспертологии при анализе экстремистских / неэкстремистских текстов понадобились бы тома. Да они, в общем, и появляются, если сложить все наши более развернутые и краткие научные реплики по волнующим вопросам. На каждой конференции лингвистов-экспертов секция, посвященная экстремизму, пожалуй, самая оживленная. Пользуясь случаем, выражаю благодарность организаторам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы», прошедшей в октябре 2019 г. в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Творческая атмосфера сложившейся живой дискуссии вселяет надежду на наше коллективное неравнодушие и профессиональное желание разобраться в сложных вопросах экспертизы по делам об экстремизме, что отчасти способствовало появлению настоящей работы — реплики в нашем продуктивном полилоге.

Было бы упущением не отметить одну важную мысль, лейтмотивом проходившую сквозь всю работу названной конференции: на настоящий момент, а может быть, и вообще, невозможно всему лингвоэкспертному сообществу безропотно положиться только на методические рекомендации, создаваемые в безусловном авторитетных государственных организациях. Как бы они ни были хороши, но опыт нескольких лингвистов в двух-трех пособиях не может охватить всего разнообразия проблемных вопросов. И как смерть института адвокатуры была бы практически тождественна смерти правосудия, так полное доминирование государственной экспертизы и устранение негосударственной привело бы к исчезновению состязательности процесса, которая и так достаточно ослаблена. Безусловно, уровень профессионализма и ответственности не зависит от места работы, и все же государственные эксперты имеют определенный приоритет в глазах суда, «охранную грамоту» в виде своего статуса. Приведем пример. Высказывание *«Можно сказать, что сегодня*

почти каждый человек испытывает какой-либо страх. Люди хотят чувствовать защиту, хотят быть защищенными, но, увы, в этом мире человек не может дать защиту другому человеку», согласно выводам государственного эксперта, содержит негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии: «...Объектом негативной оценки является группа лиц, объединенная по признаку отношения к религии, названная как “этот мир”, “этот безбожный мир”» (читайте об этой ситуации в разделе третьем). Комментарии излишни. И такая экспертиза ложится в основу обвинения. Поэтому нужно, чтобы научное сообщество высказывалось, чтобы велись поиски истины, как бы ни смущала нас патетика этих слов. Важно, чтобы продолжалась и поддерживалась деятельность таких издательств, как «Флинта», собирающих и предлагающих читателю интеллектуальный продукт как отражение естественной для науки полифонии, без которой мир идей станет плоским, как Земля до Галилея. Мы не сможем развиваться, если не будем предлагать научному сообществу идеи для решения актуальных вопросов. Нужно высказываться, делясь опытом и полученными в результате исследований выводами. Такие высказывания по ряду поводов мы и предлагаем вниманию читателей.

В книге выделено четыре раздела, каждый из которых обращен к актуальным вопросам лингвоэкспертологии в сфере дел по экстремизму. Первый и второй разделы посвящены теоретическим вопросам: анализу формы речевого воздействия (призыв, возбуждение, унижение, побуждение, пропаганда) и анализу направленности речевого воздействия (ненависть, вражда, рознь). Третий и четвертый разделы обращены к рассмотрению самых, на наш взгляд, проблемных для анализа в аспекте антиэкстремистского законодательства текстов — религиозных и художественных. Религиозный дискурс представляет собой самостоятельную знаковую систему, живущую по особым законам кодировки и декодировки информации. Он выражает определенную концептуальную систему, игнорировать которую при анализе отдельно взятого текста нельзя. Иначе мы не послужим

объективации судопроизводства. Художественный текст также должен быть рассмотрен с позиций законов внутреннего развития и с учетом не прямой трансляции смыслов.

Научный анализ религиозного и художественного дискурса представлен в основной части книги, а сейчас, в начале нашего разговора, скажем о своих впечатлениях от работы с экстремистскими текстами, такими разными и по выражаемой идеологии, и по характеру и силе влияния на социум.

Ситуация первая. Молодые интеллектуалы, демонстрирующие свою начитанность отсылками к литературе различных эпох, описывают, как убивают человека неславянской внешности и оскверняют вечный огонь, сопровождая все это философскими посланиями в духе Макиавелли и приглашая к подражанию. Идеология: пренебрежение нравственными и правовыми запретами. И газета со статьями в этой стилистике выходила неоднократно.

Ситуация вторая. Молодой женщине, недавно ставшей матерью, инкриминируют репост: «Бери топор, встречай гостей с гор», — который она сделала три года назад. Других преступлений за ней не числилось, но дело было возбуждено и передано в суд.

Ситуация третья. Некий, судя по текстам, ортодоксальный материалист в своих листовках оскорбляет представителей разных национальностей, признавая их источником бед других жителей региона, призывает убивать то одну, то другую группу лиц. Мера выражаемой агрессии такова, что в этом случае, скорее всего, нужно привлекать к процессу даже не психолога, а психиатра.

Ситуация четвертая. Качественно сделанный видеосюжет о развитии мусульманства, сохраняющего истинные нравственные ценности, в то время как Европа и Запад их теряют. И все бы ничего, но во вполне цивилизованном, просветительском, даже с элементами научности сюжете пропагандируется и прогнозируется в ближайшее десятилетие установление шариата на значительной части территорий РФ, например, на территории Челябинской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru